

Глава 1

КУРОКИ

Выбеленный потолок из плотно подогнанных досок. По центру висит керосиновая лампа. На стекле — незначительные следы копоти. Как видно, за чистотой тут следят тщательно, если не забывают регулярно мыть его. Можно было бы подумать, что лампой пользуются не очень давно, но это не так. На корпусе явно видны следы потертостей и облупившаяся краска. Вещь уже давно не новая.

Сейчас на кончике фитиля пламя отсутствует. В этом нет необходимости, солнечный свет заливает все помещение через окна. Они не такие уж и большие, но со своей задачей вполне справляются. Да и комната сама по себе очень светлая, с белыми стенами из ошкуренных бревен.

Находится она явно не в новом строении. Деревянные новостройки пахнут по-особенному, а это уже успешно изрядно пропитаться ароматами жизнедеятельности человека, давно поглотившими запах дерева. Капитальное строение. Ставили его с тщанием, присущим тем, кто трудится не за страх, а за совесть.

В больничной палате он был один. Отчего такая уверенность насчет больнички? Так ведь просто все. Вокруг витают неистребимые ароматы, присущие только лечебным заведениям. Ни с чем иным их не спутаешь. Опять же, деревянные кровати, выстроившиеся в ряд, со стоящими возле них тумбочками и табуретами в ногах. Всего здесь десять кроватей, на семи матрацы скатаны к стене, еще две — расстеленные.

Разве только большая доска на глухой стене слева и стоящий перед ней стол со стулом выбиваются из общей больничной картины. Ни дать ни взять учебный класс. Еще здесь имеются сколоченные из тщательно ошпунтованных досок стеллажи. И все же сомнений в том, что это именно больничная палата, нет.

Других обитателей не видно. Скорее всего, они сейчас на улице. День погожий, так чего тереться в помещении, если можно провести время на свежем воздухе. Сергей скосил взгляд на распахнутое окно, откуда легоненько веяло прохладой. Получается, что сейчас утро. Днем или вечером воздух был бы куда более прогретым.

Итак, он в больнице или госпитале. Нет, вряд ли это госпиталь. Вернувшиеся на заставу после ранений шевроны рассказывали, что даже там их содержали в каморках с решетками на окнах и часовыми за дверью. Здесь же ничего подобного нет, во всяком случае, решеток на трех видимых ему окнах не наблюдается. Что там с охранником — бог весть, но, скорее всего, и его нет. Какой смысл нести службу за дверью, если для побега можно воспользоваться окном.

Ну и как он мог сюда попасть? Неужели Грибски с другими шевронами успели прийти на помощь трем разведчикам, оказавшимся отрезанными от остального патруля? Да нет же, это еще более фантастично, чем то, как он оказался в этом мире.

Хотя... Вряд ли может быть что-либо более фантастичное, чем это. События последних лет сами собой начали всплывать в его сознании. С другой стороны, заняться все одно нечем. Попытка пошевелить ногой или рукой успехом не увенчалась. Хотел было позвать кого-нибудь — тоже безрезультатно. Из пересохшего горла удалось выдавить только еле различимый сип и заполучить ощущение прошедшегося по глотке наждака. Остается только ждать и вспоминать.

Эта история началась два с половиной года назад, если он, конечно, не провалялся в беспомощности слишком уж долгое время. Сергей Варакин тогда жил в род-

ной сибирской деревеньке и занимался тем, чем занимались все в их роду? — был охотником-промысловиком. Жил не тужил, проводя половину года в одиночестве на промысле. Была у него избушка, где он зимовал вместе с собаками и лошадей. Коротал долгие зимние ночи за чтением. Книг у него на зимовке было всегда много.

И кто бы мог подумать, что это его увлечение фантастикой может обернуться явью. В последнее время стало популярным такое направление, как «попаданцы». Попадали наши современники в самые разные миры — кто в прошлое, кто в будущее, кто в сказочную страну с магами, эльфами, орками и другими прелестями. Вот и он попал. Только в отличие от героев так нравившихся ему книг прогнуть этот мир у него никак не выходило, скорее уж сам мир измывался как хотел.

Так вот. В их деревеньке появился некий ученый Болотин Алексей, которому нужен был проводник в глухой уголок тайги. Нет, потом-то выяснилось, что он никакой не ученый, а просто авантюрист, энтузиаст и охотник за различными аномалиями. Дилетант, одним словом. Н-да. Это еще мягко сказано.

Как-то в его руки попала рукопись о портале, ведущем то ли в параллельный мир, то ли вообще на другую планету, схожую с Землей. Вот он и загорелся идеей изучить его. Правда, имелась одна сложность — портал открывается раз в сто лет, и нужно было успеть к определенной дате.

Они успели. Портал действительно существовал и предстал перед горе-исследователями во всей красе. А потом выяснилось, что Болотин напутал с датами, не учтя перехода России на новое летосчисление. Вот из-за этой оплошности они и оказались неизвестно где, и предстояло им провести тут всю свою жизнь.

По счастью, никаких магов или всякой нечисти здесь не оказалось. Тут проживали обычные люди, разве только уровень их развития соответствовал середине девятнадцатого столетия на Земле. В чем-то они ушли вперед, в чем-то отстали, но в общем и целом очень похоже.

Мало того, место, где они оказались, напоминало Америку.

Впоследствии они, насколько возможно, ознакомились с картами этого мира. Нашлось много общего с Землей, но хватало и отличий. Это уверило их, что Глобус вовсе не другая планета, а скорее все же параллельный мир. Почему Глобус? Просто у местных слова, обозначающие планету и макет этой планеты, совпадали, только название было уж больно заковыристое, вот и переименовали ее пришельцы по аналогии в Глобус.

Оказались они как раз на границе освоенных земель с территориями, населенными местными аборигенами. Эдаком Диком Западе. Вынужденные выживать в условиях фронта, они решили сначала изучить язык и хоть как-то подготовиться к переезду в более цивилизованные места. Сергею в принципе нравилось и здесь. Он и раньше вел образ жизни, далекий от благ этой самой цивилизации. Чего не скажешь об Алексее, стремившемся вырваться из такой глухомани.

Как бы то ни было, но начинать приходилось отсюда. В конце осени на хутор приютившего их семейства Кафка напали бандиты. Сергею и Алексею удалось перебить банду, и вот с этого момента начались беды.

Алексей прикарманил похищенные деньги. Ничего не знавшего об этом Сергея начали обвинять в краже, угрожая смертной казнью. В какой-то момент он запаниковал и решил прорываться из форта Опань, где его тогда содержали. Побег не удался, но в ходе потасовки он убил одного полицейского. Как следствие — приговор к двум годам каторги, равносильный смертному, так долго там еще никто не выдерживал.

Алексей во время попытки вернуть деньги был убит. Сергею заменили каторгу на два года службы на пинкской территории в качестве черного шеврона, так тут называли штрафников. Вот так он и оказался на заставе у берега реки Мравы, в сердце земель племени арачей, настроенных крайне враждебно ко всем белым.

За год, проведенный в опасном месте, он успел зама-

тереть, обрести боевой опыт, найти новых друзей и стать десятником. Тяжкий год выдался. Сколько раз бывало такое, что думал — все. Но удача была на его стороне, и из многих передраг он выходил с минимальными потерями. Когда он с друзьями влип в последний раз, решил — это конец. Он помнил, как пуля, проломив пластину бронежилета, впилась в тело, как его сбила лошадь, и довершил начатое сильнейший удар ногой в голову, который нанес проносающийся мимо всадник арачи. Но, похоже, опять обошлось.

Интересно, где он сейчас? И как такое вообще могло случиться? Как ему удалось опять избежать встречи с костлявой? Он мог быть уверенным только в одном: лично его заслуги в этом не было никакой. Парни смогли отбиться от наседавших пинков?

Сомнительно. Он отчетливо помнил, как тряслись его руки. Как, выпустив весь магазин «дятлича», а это, на секундочку, шестнадцать патронов, он сумел попасть только раз, да и то случайно. Его друзья Ануш и Хват, конечно, стрелки хорошие, да только после длительного бега состояние у них было ничуть не лучше, а потому сомнительно, чтобы они выказали снайперскую стрельбу.

Остается только помощь от сержанта Грибски. Просто неоткуда больше было прийти подмоге. Но об этом уже говорилось. Нереально. Вырвавшийся из засады патруль мог оказаться на заставе только через несколько часов. Потом столько же на обратный путь... Но если это не Грибски, то кто? И вообще, где Ануш и Хват? Выжили или посчастливилось только ему?

Послышались голоса. О чем говорят — не понять, звуки приглушаются закрытой дверью. Но вот она открывается, и в комнату вваливаются двое, одетые в исподнее. У того, что поменьше, фигурой напоминающего квадрат, на голове красуется белая повязка, и движется он как-то неуверенно, сильно опираясь на второго. А второй, с левой рукой на перевязи, выглядит не таким широким в плечах, и дело вовсе не в том, что он немного уступает первому, просто он на полголовы выше.

При виде этой странной парочки, эдаких Штепселя и Тарапуньки, Сергей едва не проронил скупую слезу, и ком сдавил горло. Он непроизвольно попытался вздохнуть, но грудь отозвалась острой болью, отчего перехватило дыхание.

Ануш и Хват, его соратники и друзья. Господи, как такое могло случиться? Они все трое выбрались из этой передряги. Невероятно, но это факт. Вряд ли на небесах есть необходимость расхаживать в повязках, так что они все еще на грешной Земле, точнее, на Глобусе, что, собственно, не имеет никакого значения.

— Стой, Ануш. Давай-ка передохнем.

— Я не устал, — упрямо пробурчал невысокий широкоплечий парень.

— А я разве сказал, что ты устал? Мне-то отдохнуть можно? Ты вроде и похудел, но, знаешь ли, легче от этого не стал.

— Тебе? Ну давай передохнем, — тяжело привалившись к дверному косяку, снизошел услышать просьбу друга Ануш.

Короткого взгляда было достаточно, чтобы понять, что отдых нужен как раз бывшему хуторянину, а никак не вору. Впрочем, тоже бывшему. Сейчас они черные шевроны, военнослужащие по приговору, призванные выполнять самые безнадежные и рискованные поручения. Впрочем... С последним утверждением придется еще разобраться.

Если Грибски или еще какое армейское подразделение не имеет отношения к их спасению, то очень даже может быть, что они сейчас являются дезертирами. При таком раскладе они уже превратились в желанную добычу для охотников за головами. С другой стороны, если спасители сообщили о них в Крумл, то не все так плохо. Поправятся и вернутся дослуживать оставшийся срок.

— Ты смотри, приятель, а командир-то очнулся.

При этих словах Хвата Ануш тут же устремил взгляд на Сергея. Сказать, что в глазах друзей плескалась радость, — это не сказать ничего. Они разом рванули к его

койке, Бартова даже практически не опирался на здоровую руку друга.

— Командир, ты как? Слышишь меня? — выстрелил вопросами Хват.

— А почему я не должен тебя слышать? — С трудом разлепив губы и чувствуя пульсирующую боль в висках и затылке, в свою очередь спросил Варакин.

— Ну наш хуторянин только на второй день сумел меня услышать, — не выдержав, ухмыльнулся Хват, поймав недовольный взгляд Ануша.

— Где мы? Почему вы не ушли в плавни? И что вообще случилось?

— Не все сразу, командир. Сначала про плавни. Так вот, мы бежали настолько быстро, что почти не промахнулись. Всего-то на полверсты. Ага. Не успели бы мы до них добраться. А вот что случилось... Я сам толком так и не понял, хотя уж кому-кому, а мне по голове ни разу не прилетело. Как раз у того места, где мы приняли бой, к берегу прибился валийский пароход с баржей. Вот его-то экипаж и помог нам отбиться от арачей. Ну и наши гранаты сказали свое слово. Короче, как только арачи поняли, что вместо парочки стрелков против них уже около двух десятков, то тут же повернули назад. Ну и, как назло, нас с Анушем приласкали уже в самом конце, ему по голове, мне по руке.

— Значит, мы в Новой Валенсии? Почему тогда нас не передали на заставу? Ведь им все одно нужно было проходить мимо. Или пароход шел вверх по Мраве? Тогда мы в Крумле. Но почему не под замком?

— Ни то ни другое. Когда мы вышли на берег, пароход приткнулся баржей к берегу. На нее как раз заканчивали грузить лошадей, но отойти уже не успевали.

— Грузили лошадей?

— Ну да. Там почти весь экипаж состоял из куроки.

— Куроки?

— Сам ни лукавого не понял. Знаю что, валийцы сошли с парохода, как только отошли от мелководья. Что мы на пинкской территории. Если быть более точным,

то у куроки, где-то очень далеко в их землях. Где, что и как — не спрашивай. Понятия не имею. Мы вроде как и не под арестом, но в то же время под присмотром. Трое воинов куроки постоянно ошиваются рядом, к домику нашему посторонние не подходят, и нам отходить далеко нельзя. Народу в госпитале хватает, но тут мы только троим, никого больше не подселяют.

— Странно. И ничего не объясняют?

— Я пытался было поговорить с доктором, но тот сказал, чтобы я потерпел. Мол, нам все объяснят, но позже. Ах да. — Хват поднялся с соседней койки и выглянул в окно. — Меткая Стрела, скажи доктору, что командир пришел в себя. Он просил сразу сообщить, как только ты очнешься. — Это уже к Сергею.

— Буран, Гром? — продолжал расспрашивать Сергей.

— Предатели, — с показной обидой пробурчал Хват.

— Нормально с ними, Сергей, — отмахнувшись от вора, наконец заговорил Ануш. — Когда ты остался, они с нами побежали, а потом, когда завертелось, двоих загрызли.

— Во-во. Командир, а ты уверен, что мамашу их повязал именно с собакой, а не с котом каким. Прыгучие, аж жуть, — не утерпев, перебил друга Хват, вызвав у того опять же показную гримасу недовольства, словно зуб заболел. Ну да, Хват, он и есть Хват, что с него взять. — Это же надо было умудриться — добраться до глотки всадников. Пинкские лошадки, они, конечно, так себе, не больно-то и высокие, но все одно интересно получилось.

— А чего ты хотел? — слегка пожав плечами, стараясь не потревожить голову и грудь, ответил Сергей. — В них кровь охотников на пушного зверя. Мать Грома, та вообще умудрялась забраться по гладкому стволу на два человеческих роста.

— Ага, тогда понятно. Да не переживай, нормально все. Их даже не поцарапали. А вот как только сюда добрались, так эти паразиты рванули по округе. Только к вечеру и возвращаются, и то не всегда, причем каждый раз потасканные, как будто всю ночь пахали в борделе.

— Получается, здесь в округе хватает стойбищ?

— Спроси что полегче. Нас дальше чем на пять шагов от домика не отпускают.

— Ладно. А сколько я в отключке-то был?

— Сегодня ровно неделя. Доктор сказал, что если не очнешься в ближайшие день-два, то тебе конец. Но теперь вроде должно быть нормально.

— Значит, повезло.

— Именно что повезло, любезный, — менторским тоном сообщил появившийся в дверях доктор. Самый натуральный. В белом халате с завязками на спине, таком же чепчике, отдаленно походящем на медицинский колпак, впрочем, в этом мире все доктора носили такие. На переносице — настоящее пенсне, со шнуром, уходящим под горловину халата, куда-то на грудь, или, скорее, к кармашку жилета. Ну не мог он не иметь жилета, так как на нем были брюки и ботинки.

Только одно не соответствовало знакомому образу. Доктор был явным представителем пинков. Краснокожий, с длинными черными волосами, разве что не заплетенными в косы, а забранными в конский хвост. Было что-то неестественное в том, как этот куроки (ну а кто еще-то) ходит с важностью заправского светила медицины, хотя его внешность требовала от него кошачьей грации, несмотря на то что ему было под пятьдесят. Правда, у пинков с возрастом после тридцати можно было легко ошибиться.

— Господа, прошу вас отойти к своим койкам, пока я буду осматривать вашего друга.

Хм. Закрой глаза — и ни дать ни взять самый натуральный рустинец, говорит совершенно без акцента. Сергей хотя и не смог избавиться от такового у себя, умел различать чистую речь. Ну и что бы это все значило? Господи, да сколько вопросов у него за последнее время. Все сыплет и сыплет ими, не находя ответа.

Осмотр продлился не так чтобы и долго, минут пятнадцать, не больше. Не было никаких анализов, никаких приборов, если не учитывать слуховую трубку, кото-

рую доктор прикладывал к груди Сергея. В остальном подспорьем врачу были только его руки. Ими он мял, простукивал, внимательно вслушиваясь и вглядываясь в реакцию пациента.

— Ну с раной на груди полный порядок. Конечно, она еще не зажила, но опасений не вызывает, как и сломанное ребро. Немного времени — и будете как новенький. Когда говорите, голова болит?

— Пульсирует в висках и затылке.

— А сейчас?

Доктор вдруг возвысил голос настолько, что, казалось, голова лопнула, как переспевший арбуз. От нестерпимой боли Сергей сжал ее руками, пытаясь помочь, чтобы она не раскололась. Обхватил руками? Ведь еще совсем недавно он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Спокойно, спокойно, все хорошо. — Голос доктора теперь журчал ласково и успокаивающе, как вода в ручье. — Значит, от громкого звука сильные боли? Понятно. То есть хорошего, конечно, мало, но, думаю, с этим мы справимся. Не обещаю, что вы избавитесь от головных болей, придется носить с собой травяной настой, но, опять же, жить будете. Главное, что вы пришли в себя, остальное уладится.

— Доктор, а как вас зовут? — не удержался от вопроса Сергей.

— Хитрый Змей. Находите странным, что при своем занятии я имею пинкское имя?

— Признаться, меня вообще все удивляет.

— Это только начало. Дальше удивительного будет гораздо больше, уверяю вас. Но, предвосхищая ваши вопросы, отвечу сразу. Я вам ничего рассказывать не буду. Вам и вашим друзьям придется немного обождать. Вот окрепнете, тогда и будете задавать вопросы. Хват.

— Да, док.

— Я пришлю настойку. Как только покормишь его, дашь выпить одну стопочку.

— Как Ануша, усыплять будем?

Это что? Он не ослышался? Все это Хват? Он, как наседка, ухаживает за ранеными друзьями? Однако. Но как еще можно назвать то, как эти двое вошли в палату? Именно наседка, иначе и не скажешь.

— Да. При контузиях сон — первое лекарство, — ответил бывшему вору доктор. — А как только проснется... Впрочем, я все распишу. Прошу простить, но сиделкам не положено общаться с вами, так что приходится во всем полагаться на вашего друга. Вы не переживайте, у него хорошо получается. Если уж он вас двоих умудрялся кормить бульоном, когда вы были в беспомощности, и обихаживать в остальном, то и с этим справится.

При этих словах бывший вор покрылся такой краской, что хоть костер запылай. Сергей же взглянул на него с совершенно другой стороны. Он и раньше считал этих двоих своими друзьями, а теперь... Это было нечто иное, более близкое, теплое и трепетное... Братья? Быть может, и так. Скорее всего, так.

Дни в госпитале потянулись однообразные, похожие один на другой. Поначалу большинство времени Сергей проводил в сладких объятиях Морфея. Но теперь это было не полное забытие, он спал и видел сны. Порой они были черно-белыми, порой цветными, но всегда приятными. Только однажды ему приснился дурной сон. Да и дурной ли? Он видел Алексея. Нет, не растерзанный труп и даже не того Алексея, которого он знал. Этот сильно отличался от прежнего друга. У него все было в порядке, он прекрасно себя чувствовал, находясь в окружении незнакомых женщин и мужчин. Кажется, это было что-то вроде бала.

Хороший сон, вот только проснувшись, Сергей погрузился в хандру. Еда была безвкусной, шутки Хвата не цепляли. Насупившийся из-за состояния Варакина Ануш также не способствовал поднятию настроения. Впрочем, чему удивляться, если грудь сдавило тисками от чувства тяжелой утраты. Все же Алексей был ему не

чужим. Конечно, между ними не было кровного родства, но так уж случилось, что и ближе него у Сергея никого не было.

Однако прошло не так уж много времени, и Хват все же сумел расшевелить прикинувшегося поленом друга. Да, Алексей — это большая утрата. Но кто сказал, что Варакин остался один? Вот, рядом друзья, которые стали ему такими же родными. Болотин, конечно, земляк, единственное, что связывает с родиной, но и эти двое ему уже давно не чужие. А еще есть Эмка, которая ждет его на отцовском хуторе, молясь за него Создателю.

Конечно, прошло уже изрядно времени, но Сергей ничуть не сомневался в отношении девушки. Как пить дать ждет и надеется. Интересно, как оно повернется, когда до них дойдет весть о пропаже Сергея и Ануша. Ведь Бартова тоже вроде как в будущих зятях у хозяйственного хуторянина Кафки. Хотя... Тут-то как раз уверенности у Сергея не было. Сарка всегда боялась остаться в старых девах и всячески старалась найти себе жениха.

Конечно, Ануш — хорошая партия, но станет ли она его ждать — вопрос. Опять же, младший сын, ни кола ни двора. Она практичная девушка, а потому, если появится какой зажиточный претендент, скорее всего, своего не упустит. Жаль, если так. Ануш по-настоящему хороший парень и будет опорой для своей семьи, а в здешних местах это подчас подороже трудолюбия ценится. Что толку обзаводиться семьей, пахать, сеять и разводить скот, если ты все это не сможешь защитить.

Настал день, когда Сергей с помощью друзей сумел подняться и выйти на улицу. Господи, как же хорошо просто посидеть на завалинке, в приятной прохладе, вдыхая свежий, а не уже надоевший пропитанный больничным духом воздух. А еще вцепиться зубами в горячий кусок мяса, хорошо пропеченный и сочный до одурения. Это Меткая Стрела, один из их охранников, расстался по просьбе Хвата.

Охрана — это вообще отдельная тема. Вот вроде и ох-

раняют: и дальше чем на десяток шагов от отдельно стоящего домика не отпускают, и другим не позволяют приблизиться, а чувствуется, что смотрят на них с нескрываемым уважением. Вначале, когда Сергей был совсем уж слаб и парням было не управиться с ним, они без намека на недовольство выносили его на улицу и устраивали в тени. Опять же, мясо вот приготовили, чтобы побаловать раненых. И о собаках заботились.

Ну как заботились. Те их к себе не подпускали, воспринимая как нечто неизбежное. К примеру, принимать пищу из рук шевронов на заставе они не стеснялись, а Гром так и вовсе мог потребовать свою долю, если уговоры не действовали, но к курокам такого отношения не было. Когда пинки пытались их накормить, то неизменно нарывались на утробное и угрожающее рычание. Тут или Хват, единственный ходячий с самого начала, брал еду и предлагал питомцам, или они сами уходили на охоту.

Сергей в очередной раз глубоко вздохнул, благо острой боли уже не было, а только какая-то ноющая, как бы застарелая и вполне терпимая. Потом поднялся и прошел выше по склону. Охранники покосились было на него, но потом успокоились. Подопечный направился немного в сторону от строений только для того, чтобы охватить взглядом общую панораму. Убежать не сумеет, слишком слаб, пообщаться с кем-либо тоже не получится. Ну и пусть его смотрит. А может, получили какие дополнительные инструкции, раньше-то такое не позволялось.

Госпиталь расположился на пологом склоне горы, на самой кромке покрывающего ее леса. Благодаря этому здесь хватало мест, чтобы укрыться от палящих лучей солнца, и сам воздух был более прохладным, чем на равнине. Само лечебное заведение состояло из трех строений. Большого барака, возле которого сейчас бродила дюжина мужчин в исподнем, причем как белых, так и пинков. Это главный лечебный корпус. По бокам от этого барака стояли два домика-близнеца. Один из них за-

нимали Сергей с товарищами, в другом обитал медицинский персонал. Там располагались аптека, операционная и кабинет доктора.

Не сказать, что с ними особо откровенничают, но и скрыть все невозможно. Опять же, появилось дополнительное послабление, иногда им стали позволять общаться с персоналом госпиталя. Не тюрьма ведь. Поэтому хотя и скудная, в виде оговорок или ответов на невинные вопросы, информация все же поступала.

В их домике, разделенном на две части, обычно жили медицинские сестры. Они занимали правое крыло, сейчас закрытое. В левом располагались ученики доктора, там же проходили и занятия. Поэтому их помещение чем-то походит на класс. В настоящее время домик очистили от посторонних из-за странных то ли пленников, то ли гостей.

За домиком доктора видны две большие армейские палатки из парусины. Там сейчас располагаются обитатели строения, выделенного для проживания Сергея и его друзей. Странное поведение. Очень странное. Сергей хотел было расспросить об этом подробнее, но Хитрый Змей только отмахнулся. Его задача — поставить раненых на ноги, остальное не его заботы. А еще над всеми строениями и палатками развеваются белые флаги с красным кругом и кулаком в центре. Это признанный во всем цивилизованном мире знак, что-то вроде красного креста на Земле.

Есть еще одна постройка, но там никто не живет. Это склад, где хранится имущество госпиталя и продовольствие. Там же находится и кухня. Все же народу тут изрядно, и централизованное питание вовсе не лишено основания. А вот отдельной столовой нет. Пищу разносят в баках, прямиком по палатам. Поддержание в чистоте посуды — это уже полностью забота пациентов, сестры милосердия ухаживают только за лежачими. А вот в случае со странными гостями одно время этот вопрос целиком и полностью лежал на Хвате. И как только он справлялся со всем этим с одной рукой?

Ну и, разумеется, ограда. Ничего такого, что могло бы остановить человека. Так, довольно высокий плетень, позволяющий уберечься от зверья. Не сказать, что животные вокруг ходят стадами, все же человек внушает уважение и опасение, но случаи бывают разные, а потому лучше подстраховаться.

У подножия склона, на берегу бурной речки, расположился поселок, дворов на двадцать. До него примерно с версту, так что особо не рассмотришь, но, насколько понял Сергей, население там смешанное. И куроки, и белые проживают в обычных деревянных домах, причем первых большинство.

Видны разбитые огороды. За поселком пасется стадо коров голов на двести. Никаких полей нет и в помине, но зато ниже по течению имеется большое подворье, где расположилась дубильня. Здешние жители занимаются выделкой кож и изготовлением кожаных изделий. Когда ветер меняется, порой оттуда доносит запахи, совершенно не напоминающие благовония.

Верстах в пяти от поселка, на одном из холмов, расположился хутор, иначе и не скажешь. Но опять-таки, виден только небольшой клочок обработанной земли, который может быть лишь огородом. Зато имеются огороженные загоны для скота. В малом сейчас видно несколько голов, выделяющихся темными пятнами на зеленом фоне. Правее заметно довольно внушительное стадо. Сергей присмотрелся повнимательнее. Полное ощущение, что это не коровы, а буйволы. Он как-то не слышал о том, чтобы местных буйволов, а скорее бизонов, одомашнивали и разводили.

Хм. Все страньше и страньше. Что бы это все значило? Припомнилось то, что ему доводилось читать о Диком Западе там, на Земле. Было такое племя чероки, они вроде как пытались перенять образ жизни белых, даже имели собственную письменность, фермы, школы, газеты. Вот только это не уберегло их от резерваций. Большой брат решил, что индейцам надлежит уступить свои земли белым, даже с учетом того, что эти вроде бы по-

шли по пути принятия той самой цивилизации, озаренной светочем свободы.

Неужели куроки избрали тот же путь? Если так, то делают они это как-то странно. Таятся от всех. Ведь ни о чем подобном Сергей раньше не слышал. Какие-то разрозненные слухи ходили, но слухи, они и есть слухи. Тем более разговоры были о том, что куроки не чужды перенять что-то полезное от белых соседей. Но то, что сейчас видел Варакин, было куда больше, чем можно предположить. Да один только госпиталь с учениками, постигающими лекарскую науку, чего стоит.

Ну и что тут думать? А пожалуй, и ничего. Слишком много вопросов при минимуме информации. И потом — оно ему надо? Живут себе люди, как им нравится, ну и пусть их. Да кто бы был против. Но ведь любопытно же. Без вариантов, точно не успокоится, пока не выяснит все доподлинно.

Сергей вновь перевел взгляд на поселок. В этот момент на дороге, теряющейся за пригорком, появилась группа всадников. Примерно дюжина воинов в традиционном пинкском одеянии, без изысков. Разве только во главе находится мужчина с солидным султаном из вроде бы орлиных перьев на голове. Какой-то вождь, не иначе.

Простых воинов с подобными головными уборами можно встретить только на празднествах, правда, перья в них разные, различающиеся по статусу. В повседневной жизни такие султаны несколько неудобны, поэтому мужчины предпочитают обходиться парой перьев, приколотых к косам или прикрепленных к тесьме на голове.

Поднимая пыль, отряд на рысях проследовал к одному из домов и спешил. Потом вождь прошел в дом вслед за встречающим его на крыльце хозяином. Но, как видно, это была только дань уважения одного начальствующего лица к другому. А может, просто заскочил поздороваться с родственником. Кто именно живет в том доме, Сергей понятия не имел, как не знал и то, какая тут система управления. Скорее всего, здесь тоже имелся

какой-нибудь вождь, потому как хозяин был одет на пинкский манер. Впрочем, это мог быть и белый, предпочитающий практичное одеяние аборигенов. Слишком далеко, чтобы рассмотреть детали.

Пробыв в доме совсем немного, вождь вновь появился на крыльце и легко взлетел в седло. Впрочем, это только так говорится, седла как такового могло и не быть, большинство пинков ими не пользовались. Это вызвано не желанием держаться за старину, а дороговизной подобного изделия. С другой стороны, насколько успел заметить Варакин, аборигены с удовольствием перенимали полезное, а седла отличаются удобством. Так что у вождя, скорее всего, седло все же было.

— Нормально. А меня сюда осмотреться не пускали, — обиженно заявил подошедший Хват, как всегда светясь лучезарной улыбкой.

Несмотря на то что Хват был ходячим, осмотреться нормально он действительно не мог: обзор загораживал высокий плетень. Над ним, конечно, кое-что видно, но не так чтобы много. Только голая степь. Чтобы охватить взором сегодняшнюю панораму, ему нужно было подойти к этому месту или заглянуть в прореху ограды. Ни туда, ни сюда его раньше не пускали.

— Не иначе как на них действует мое имечко.

— Ага. Верная Рука, та еще диковинка. Хоть к тебе примазаться, — осматривая панораму, согласился Хват. — Ну что, командир, опять вопросов больше, чем ответов? — явно растерянно, но с неизменной улыбкой произнес вор.

— А у тебя их нет?

— Да просто уйма.

— Угу. Но что-то мне подсказывает, что сейчас на кое-какие нам ответят.

— И кто же?

— Во-о-он тот отряд. — Сергей указал на всадников, уже направлявшихся к госпиталю.

— А может, кто из них чирей заработал на интересном месте, или все разом.

— Может, и так. Да только сдается мне, что эти едут по нашу душу.

— Можно начинать бояться?

— Тогда зачем было нас выхаживать? Нечего нам бояться. А вот разговор предстоит. Устал я что-то. Идем присоединимся к Анушу. Вон как ленивый кот развалился в тени, аж завидно.

— Мне-то чего туда идти? Я и тут устроюсь неплохо.

— Чтобы я потом все тебе пересказывал? Состояние не то. Лень. Не захочешь говорить — просто слушай.

— Ну идем тогда, чего уж.

Ожидать прибытия гостей пришлось достаточно долго. Настолько, что Сергей успел усомниться в правильности своих выводов. Может, и вправду у всего этого отряда чирьи повылазили на интересном месте. В доме местного вождя, если это был он, прибывший провел куда меньше времени. А может, все не так и он является военным вождем, возвращающимся из похода.

Жители поселка, судя по всему, не особо на охоту рассчитывают, только разве в качестве подспорья, а на хлеб насущный зарабатывают иным способом. По всему получается, что тут кожевенный промысел развит. А за добычей можно и в поход отправиться. Хотя... Если и так, то вернулись они налегке, да и какой смысл всем подниматься в госпиталь, логичнее разойтись по домам.

Тогда остается другое. Вождь этого поселка или рода — фигура менее значительная, чем доктор, и основной визит всадники нанесут именно к последнему. Вполне логично. Подумаешь, Верная Рука. Не такой уж и пуп земли, чтобы только ради него предпринимать сколь-нибудь значимое путешествие. Да и значимое ли? Может, за тем взгорком, не далее десятка верст, еще один поселок, да не чета этому.

— О. Идут.

Он уже практически уверился в том, что слишком большого мнения о собственной персоне, когда заговорил Хват. Сергей открыл глаза и слегка скосил взгляд влево. Угу. Идут. Двое. Доктор и какой-то незнакомый пинк, с

султаном из перьев на голове. Не показалось Сергею издали, перья и впрямь орлиные. Да к тому же горного орла. Они отличаются от обычных как по окраске, так и по величине. Такие носили вожди, имеющие большие заслуги перед племенем.

Надо заметить, мужик не из простых, видно, из очень заслуженных. Об этом говорит не только головной убор, но и то достоинство, с которым он ступал по земле. В отличие от того же доктора в его движениях как раз сквозило изящество хищника, в любой момент готового как броситься на противника, так и отбить атаку. Но вместе с тем держался он как-то величественно, с чувством собственного достоинства. Ну не мог он быть не кем иным, как признанным и уважаемым лидером, и все тут.

Охранники при его приближении подтянулись, наскоро приводя себя в опрятный вид. Ничего общего с военнослужащими, действующими подобным образом при виде большого начальства. Нет и намека на раболепство. Да и желание произвести благоприятное впечатление тоже отсутствует, это ясно даже последнему болвану. Во всем чувствуется только глубокое уважение и желание не уронить себя в глазах человека, добившегося высокого положения своими деяниями, а не по праву рождения.

Что же, для пинков ты непререкаемый авторитет, а вот для Сергея пока никто и звать тебя никак. Сумеешь показать обратное, может, и он станет заглядывать тебе в рот и ловить каждое твое слово, а пока пусть идет, как идет. Варакин отвел взгляд от высокой статной фигуры приближающегося вождя и вновь закрыл глаза. Надо сказать, яркий солнечный свет их изрядно утомил, едва смежив веки, он почувствовал облегчение, даже пульсирующая боль в висках и затылке поутихла.

— Мое имя Высокая Гора.

Хм. Ну ничего себе. Высокая Гора. Верховный вождь народа куроки. Это понимать нужно. С другой стороны, того народу наберется едва ли тысяч тридцать. Иными словами, градоначальник небольшого города, даже не

уездный начальник. Поэтому Варакин отреагировал довольно спокойно, хотя и без хамства. К чему такие крайности? Этот человек ничем не заслужил подобного обращения, и даже наоборот, куроки спасли Сергею и его друзьям жизнь.

С помощью Хвата Сергей поднялся на ноги. То же самое сделали и его соратники. Утвердившись на ногах — все же неприятно, если тебя будет раскачивать, как тополь на ветру, — он посмотрел в глаза мужчине. Они излучали ум, жесткость, волю и в то же время любопытство. Высокая Гора ростом с Сергея, правда, и Варакин не так чтобы мал, но куроки шире в плечах, отчего белый человек несколько терялся на его фоне.

— Варакин Сергей. Пинки называют меня Верной Рукой. Это Ануш Бартова и Хват. Чем обязаны вниманию верховного вождя гордого племени куроки?

— Ты знаешь, кто я?

— Как и ты — кто я. Прости, вождь, но мне немного нездоровится, может, присядем?

— Тогда пойдем в дом.

В дом идти не хотелось, но и здесь расположиться негде. Они не старинные друзья, чтобы разговаривать, сидя плечом к плечу на завалинке. В предстоящей беседе нужно смотреть в глаза друг другу, а бревно одно. Не хотелось идти в больничную духоту, но, видно, придется. Или так, или тащить сюда табуреты. Но тогда получится лишняя суета. Поэтому Сергей согласился с предложением Высокой Горы.

А ничего так мужик. Ушлый. Сразу прошел к преподавательскому столу и уселся на единственный стул, предоставив в распоряжение остальным табуреты или койки. Словом, расставил акценты, кто есть кто. Ладно. Поглядим, что будет дальше.

А дальше все было до безобразия просто. Сергей решил было, что сейчас будет разыграна сценка на тему «Великий вождь снисходит до беседы с залетными бледнолицыми», но просчитался. Первое, что сделал Высо-

кая Гора, — это снял султан с перьями, извлек откуда-то чистую тряпицу и протер взмокший лоб.

— Жарко сегодня. А тут еще и полсотни верст пришлось проскакать.

О как! Картина маслом! Как видно, удивление было аршинными буквами написано на лицах белых. А как еще можно объяснить улыбку эдакого хитрована, которой одарил их вождь. А еще ухмылку доктора. Нет, ну ни дать ни взять чистой воды доктор из Старого Света, причем дорогой, знающий себе цену.

— Удивлены? Ничего не поделаешь, люди хотят, чтобы их верховный вождь отличался от простых воинов. Вот и приходится ходить с этим украшением.

— Стоит ли так себя изводить? — удивился Сергей.

Вот вроде общаются по-простому, причем тон задал сам вождь, но отчего-то желания сказать: «Послушай, дружище Гора» — не возникает. Может подать себя мужик, даже держась просто и без претензий. Но, надо заметить, общаться так было куда легче. Поведи Высокая Гора себя иначе, и, скорее всего, у Варакина включилась бы защитная реакция. Ну не привык он к тому, чтобы с ним говорили свысока. Сколько ни была жизнь, уважение к себе он никогда не терял. А вот такой тон беседы в самый раз.

— Ради людей стоит.

— Летом слишком жарко, зимой, наоборот, холодно.

— Все так, — согласился с выводами Сергея Высокая Гора, — но это самая меньшая плата за мое положение.

— Звучит убедительно.

— Верная Рука, я ждал известий о твоём самочувствии, потому что мне нужно поговорить с тобой об очень важных вещах.

— Настолько важных, что хотел бы остаться наедине?

— Не совсем. Хитрый Змей будет здесь.

— Тогда отчего я должен просить моих друзей оставить нас? У меня нет от них секретов.

— Секреты есть всегда, и даже от самых близких и проверенных друзей. Тебя зовут Хват. Но ведь это не

имя. — Еще бы ему не отличить имя от прозвища, при таком-то владении языком. Как и у доктора, у вождя не было и намек на акцент. — Отчего твои друзья не знают твоего настоящего имени? Разве они никогда не спрашивали тебя об этом? И разве ты не отказывался его называть? — вроде и спрашивает, и в то же время ответов не ждет. — Этот секрет, по сути, ничего не значит и ничего не меняет, на поле боя ты, не задумываясь, готов драться за друзей, в том числе и погибнуть за них. Верная Рука, ты потом сам расскажешь им то, что считаешь нужным, я ни на чем не стану настаивать. Ты можешь передать им весь наш разговор слово в слово. Но сейчас мы будем говорить одни или не будем говорить вовсе.

— Нормально, командир, — поднимаясь и потянув за собой Ануша, успокоил Сергея Хват. — Поговори. А то я потом спать не смогу от любопытства. И помни: я пойму все, что угодно, разве только если ты не окажешься мужеложцем.

— Он всегда такой? — утирая слезы все той же тряпичей и едва сдерживая новые позывы хохота, произнес вождь.

— По большей части, — недовольно потирая виски и стараясь унять пульсирующую боль, ответил Сергей. Что поделать, смеялся вождь под стать своей комплекции, от души и очень громко. А подобные звуки с некоторых пор доставляли Сергею болезненные ощущения.

— Уймись, Высокая Гора. Не то ты все мое лечение сведешь на нет.

С этими словами доктор подошел к тумбочке Сергея, на которой стояли несколько склянок. Варакин все время путался в них, норовя выпить что-нибудь не то. Хорошо хоть этот процесс не выпускал из виду вездесущий Хват, неизменно находя нужное снадобье и вливая его в глотку друга в положенное время в строго оговоренной доктором дозировке.

Сергей опрокинул стопку с какой-то настойкой себе в рот. Никакого вкуса, тягучая и абсолютно пресная штука. И от этого она была еще противнее. Однако резу-

льтат последовал незамедлительно. Именно эту дрянь Хват и вливал в него, когда случались приступы головной боли. П-пакость. Но работает.

— Итак, может, начнем, Высокая Гора?

— Хорошо, — легко и без обиняков согласился верховный вождь. — Восточнее проживает племя икезов, они не любят простор, а потому держатся за свои леса. У них есть одно священное место, посещать которое запрещается под страхом смерти. Как гласит древнее предание икезов, существует множество миров, разделенных тонкой гранью, за которую не дано проникнуть никому. Но есть места, где эта грань порой истончается и исчезает на несколько дней. Все, что не принадлежит нашему миру, не может принести ничего хорошего. Все живое обходит эти места стороной, а наши меньшие братья умеют чувствовать опасность лучше нас.

По мере того как вождь говорил, Сергей все больше мрачнел. Нет никаких сомнений, этот рассказ имел к нему самое непосредственное отношение. Похоже, пинки сумели как-то вычислить того, кто вышел из запретного места. Ну и чем это грозит ему? Пока неизвестно. Сейчас куроки пытается понять, представляет ли Сергей для них опасность или нет. Черт. Оружия никакого. Бросаться в драку — глупее не придумаешь, с ним сейчас и ребенок справится, не то что взрослый, тем более такой здоровый мужик. Остается только молча слушать и постараться не выдать охватившего его волнения.

— Никто не знает, когда именно стирается грань миров. Как говорят икезы, она исчезает раз в пять поколений. Но точная дата им неизвестна, — продолжил вождь. — Скорее всего, когда-то шаманы наблюдали за этим явлением, но потом или бросили, или что-то случилось. Эти знания утрачены. — Высокая Гора не только говорит без акцента, но и, похоже, имеет еще и хорошее образование. — Пока никаких бед из другого мира не приходило, но неизвестно, чем это может грозить. Мудрость древних нам уже недоступна. Если они опасались

чего-то и старались оградить от этого свой народ, то явно не без причин.

— Зачем ты все это рассказываешь мне, Высокая Гора?

— Два года назад икезы заметили следы, которые выходили из запретного места. Следы двух мужчин. Очень странные, оставленные непривычной обувью. Они вели в степь. Икезы не любят открытый простор и не пошли дальше, поэтому, куда направились эти двое, они не узнали. Еще следы сказали, что с неизвестными были четыре собаки. Два года назад двое мужчин, не знающие языка, одетые в странную одежду и вооруженные неизвестными ружьями, появились вблизи форта Опань. С ними были четыре собаки странной породы, таких раньше никто не видел. Один из них погиб, другой ты.

— И почему об этом вы узнали только сейчас?

Раз с ним разговаривают, то, скорее всего, убивать не собираются. Можно, конечно, и запираяться, но кто знает, насколько любопытен вождь, а в деле истязаний пинки были настоящими мастерами, способными мучить свою жертву, долго не давая ей умереть. На фиг, на фиг, он не герой-подпольщик на допросе в гестапо. Если уж грохнут, то пусть лучше сразу, без мучений. Но пока с ним говорят, брыкаться не стоит, тем более кроме себя любимого, подставить он никого не может.

— Икезы не очень общительное племя. Это их предание. Весной пути моего сына Вольного Ветра и вождя икезов пересеклись. Ночь была длинная, беседа долгая, рассказано было много. Если бы там был кто-то другой, то никто не придумал бы этому значения, но Вольный Ветер был с вами знаком, вот и постарался все выяснить.

— Вождь рода, кочующего вдоль границы, твой сын?

— Вольный Ветер не вождь рода. Он военный вождь и охраняет границу на востоке, — возразил Высокая Гора.

Хм. Все страньше и страньше. Может, просто набраться наглости и попросить, чтобы вождь рассказал все и сразу. Глядишь, и вопросов поубавится, а то от такого разговора их только больше. Н-да. Не тот случай. Пра-

вила устанавливает куроки, а значит, и беседу будет вести в той манере, какую сочтет нужной.

— Так что ты хочешь услышать, Высокая Гора?

— Ты и твой друг пришли из другого мира?

— Да. Нам не больно-то этого и хотелось. Все случилось помимо нашей воли. Но это так. Мы из другого мира.

— Рассказывай.

— А зачем? Проход туда открывается один раз в сто лет и держится открытым только четырнадцать дней. Ни ты, ни я до этого времени не доживем. Бесплезное знание. Если только для ученых. Но мы не принадлежим к науке.

— Бесплезное знание, — задумчиво произнес вождь, а потом посмотрел прямо в глаза Сергея. — Мои предки когда-то думали так же, но это ошибочный путь. Знания — это сила. Иное дело, что не все их можно применить на практике. Впрочем, зачастую со временем и этот недостаток проходит.

— Трудно тебе в этом возразить. Так что ты хочешь услышать?

— Рассказ о твоём мире.

— Разговор может оказаться очень долгим.

— Начни. А там посмотрим.

— Ладно...

Поначалу Сергей хотел рассказать все откровенно. Но, задумавшись, с чего, собственно, начать, он решил, что поторопился насчет откровенности. В конце концов кто такой этот пинк, чтобы он ему доверялся без остатка? Да, он с уверенностью может утверждать, что Варакин пришелец из другого мира, но это вовсе не значит, что перед ним нужно раскрываться полностью. Кто знает, куда может завести правда. Ему приходилось читать фантастические романы с похожим сюжетом, и вариант с глухой комнатой и мягкими стенами его вовсе не устраивал. Лучше подстраховаться.

По версии, изложенной Сергеем, его мир практически такой же, как и этот. В чем-то они ушли вперед, в

чем-то отстали от местных, но в общем и целом разница не так чтобы и велика. Например, у них научились делать оружие, которое по некоторым показателям превосходит изделия местных оружейников. Взять его карабин, изделие того мира. Да, он способен поражать цель на большем расстоянии, имеет большую пробивную способность. Но вместе с тем его конструкция даже проще того же «дятлича» и ненамного сложнее «балича». В скорострельности он превзойдет второй, но в то же время значительно уступит первому.

Оптика? Ну да. Оптика лучше, чем известные местные образцы. Кстати, здесь умеют делать линзы сопоставимого качества, хотя и немного уступающие, просто не додумались до подобной компоновки. Да, в этом его мир немного ушел вперед.

Но в то же время у них не так развито электричество. Здесь генератор и электрическое освещение в приграничных поселениях не являлось чем-то из ряда вон, была бы только возможность приобрести необходимое. В его же мире генераторы были настолько редки, что электричество было только в единичных городах. Процесс шел, но явно отставал от местного уровня.

Вместе с тем, в их Новом Свете аборигены, называемые индейцами, уже не являлись хозяевами своих территорий. Их загнали в негодные земли, и они существовали на скромные пособия государства, которые безбодно разворовываются чиновниками.

Как Сергей ни напрягал свое воображение, рассказ его все же вышел недолгим, хотя вначале он думал, что сможет вещать часы напролет. Однако настоящий разговор начался после того, как верховный вождь начал сыпать вопросами. Грамотно так сыпать, затрагивая самые различные области и стараясь вникнуть в детали. Сергею пришлось постараться, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнее. Удавалось это не всегда, и ухватившийся за какую-нибудь зацепку Высокая Гора начинал раскручивать маховик вопросов.

Грамотный мужик. Варакину приходилось всячески

изворачиваться, чтобы вождь не решил, что ему в руки попал настоящий посланец Великого Духа, призванный спасти его народ от наступления белых. Почему Сергей пришел именно к такому выводу? А он и сам не знал. Вот чувствовал, что эта самая глухая комната с мягкими стенами где-то рядом, и все. Это придавало ему сил врать самозабвенно, со всей возможной убежденностью.

И все же с каждой минутой разговора Высокая Гора все больше утверждался во мнении, что сидящий перед ним мужчина — это просто подарок Великого Духа своему народу, участь которого была предreshена. Другие могли твердить сколько угодно о неизменности миропорядка и держаться за древние устои. Высокая Гора знал точно — это не так. Их привычный уклад жизни, оставшийся неизменным спустя сотни или даже тысячи лет, стремительно рушился. Они уже во многом изменили свой образ жизни за сравнительно небольшой промежуток времени. Но этого было недостаточно.

Ситуация менялась настолько стремительно, что сроки исчислялись уже не десятилетиями, как это было совсем недавно, а считаными годами. Если не внести изменения в ближайшее время, они проиграют войну, растянувшуюся на сотни лет и неуклонно проигрываемую сейчас.

Человек образованный и очень умный, вождь понимал, что, если бы белые имели возможность заселить пространство, все еще остающееся во владении пинков, они это уже сделали бы. Успешное сопротивление колонизации белых возможно только до той поры, пока попытки освоения новых земель исходят от одиночек, стремящихся к самостоятельности и независимости. Но как только в этот процесс вступит государственная машина...

Одной государственной машине может противостоять только другая, такая же. У пинкских племен против такого аргумента нет шансов. Даже если все они вдруг воспылают любовью друг к другу и объединятся в кулак, это будет лишь досадным и незначительным препятст-

вием на пути белых. Пинки проигрывают во всем, начиная с численности и заканчивая уровнем развития.

Казалось бы, зачем Высокой Горе этот человек? Если бы он пришел оттуда, где имелись знания, сильно различающиеся с их миром, то толк был бы огромным. Впрочем, и это сомнительно. Если бы пришелец попал в руки какого-нибудь государства, то они сумели бы извлечь пользу. Ведь любое государство, даже самое слабое, — это не полунцищее пинкское племя.

Так зачем ему цепляться за Верную Руку? Он задавал себе этот вопрос и тут же сам на него и отвечал. Очень скоро война из холодного состояния может перейти в горячее, и, если ему удастся заполучить этого человека, тот сможет помочь достойно встретить врагов. Эта уверенность была основана не на пустом месте.

Со слов Сергея получалось, что он обычный охотник из края бесконечных лесов. Не военный, и вообще никогда не участвовал ни в каких войнах. Может, так, а может, это и ложь. Но правда в том, что он уже успел применить столько всего разного, что умудрился заработать определенную репутацию. Его имя гремело на всю степь, а женщины арачи пугали Сергеем своих непослушных детей.

Его нестандартный взгляд на многие очевидные вещи мог помочь в предстоящей борьбе. Потому что, действуя по старинке, просто невозможно выстоять перед напором белых. Воины куроки — прекрасные и храбрые бойцы, они ничем не уступят ни одному племени, и уж тем более белым. Но маленький гарнизон, где служил Верная Рука, сумел не только противостоять арачам, но и в значительной мере ослабить силы племени из-за многочисленных потерь. Вождь чувствовал, что ему просто необходим этот человек.

Беседа из домика, занимаемого друзьями, переместилась в кабинет доктора. Слушая пришельца из другого мира, старавшегося обстоятельно отвечать на вопросы, Высокая Гора пытался делать какие-то выводы, наме-

тить некий курс. Однако обилие информации приводило только к тому, что он еще больше запутывался.

Осознав это и придя к выводу, что одна, пусть даже самая обстоятельная беседа неспособна раскрыть всю полноту картины, вождь решил прекратить расспросы. Самым лучшим вариантом будет держать этого человека поближе к себе и в процессе общения постепенно обрабатывать необходимыми знаниями. Именно необходимыми, а не бросаться, как голодный, на все корки хлеба сразу.

Сергей это прекрасно понял, едва только вождь заявил, что их беседа еще продолжится, когда раненый достаточно окрепнет. Насчет того, что их сочтут дезертирами, Высокая Гора просил пока не волноваться. В конце концов причина их отсутствия на прежнем месте службы в настоящий момент вполне уважительна. Когда же шевроны будут чувствовать себя лучше, к этому вопросу можно будет вернуться.

Что же, раз так... Сергей очень устал. Голова буквально раскалывалась, и ему раз за разом приходилось пользоваться снадобьями доктора. Последний был явно недоволен таким оборотом и предложил сначала дать раненому передохнуть. Но тут уж закусил удила Варакин.

Плевать. Он не Высокая Гора и не собирается набрасываться на все и сразу, требуя обстоятельных ответов со всеми деталями. И потом, у него было преимущество перед вождем — он уже два года жил в этом мире и за это время успел ознакомиться со многими реалиями. Круг его любопытства был куда уже.

— Высокая Гора, расскажи о куроки.

— Ты хочешь знать нашу историю?

— Я знаю, что вы способны опуститься вниз более чем на десяток колен, но мне интересно узнать вашу историю в общих чертах...

Что же. В общих чертах все выглядело так. Еще три сотни лет назад арачи проживали на побережье океана. Именно арачи, тут нет никакой ошибки. Они вполне уживались с белыми колонистами. Конечно же случались и дразги, и грабежи, и убийства с обеих сторон. Это

вполне объяснимо. Но в целом они прекрасно сосуществовали, дополняя друг друга.

С годами белых становилось все больше. Им нужно было все большее пространство. Они договаривались с пинками и где уступками, а где прямой покупкой получали новые земли или разрешение на проживание. Все больше белых начинало промышлять охотой, составляя тем самым конкуренцию аборигенам. В конце концов наступил предел, когда арачи сказали категоричное «нет». Они больше не могли тесниться, уступая белым все большие территории.

Вот тогда-то и началась большая война, результатом которой стало массовое переселение арачей на запад. Тяжкий и скорбный путь, на котором было утрачено множество родов. Кого-то настигли белые, кто-то пал от рук тех пинкских племен, через земли которых пролегла дорога арачей.

Наконец была достигнута договоренность, по которой племена икезов и гаюнов пропустили слабаков, не выдержавших напора белых, в негодные места. Именно таковым считался открытый степной простор. Но эта земля, ранее пустовавшая, стала буквально обетованной для гонимого судьбой племени. И, что самое странное, именно благодаря белым, а вернее, лошадям, завезенным ими.

Сегодня по бескрайним просторам бегают множество табунов диких лошадей. Но до появления белых, привезших это животное из Старого Света, местные никогда не видели ничего подобного. Лошадь стала верным товарищем человека и позволила выжить. Благодаря этим животным роды могли вести кочевой образ жизни и добывать основной ресурс, которым была богата степь, — буйволов.

За сотню лет остатки племени сумели восполнить свои потери и расселиться по огромной территории. Некогда единое племя арачей разделилось на четыре самостоятельных племени и заняло земли в поймах рек Изеры и Ославы. Это были арачи, куроки, солоты и окаты.